

Концепция человека (1961)

Уилфред Бион

Перевод Михаила Козлова © 2026

Перевод выполнен по изданию

The Complete Works of W. R. Bion, Karnac Books 2014, Vol.XV p 9 – 30

Представление о человеке вряд ли воспринимается как практический вопрос. Возможно, оно не представляет интереса ни для кого, кроме философов и прочих людей, ведущих академическую жизнь. Но вопрос: «Кем ты себя считаешь?» — это спонтанное подтверждение того факта, что представление человека о самом себе может играть важную роль в формировании его поведения.

Вопрос «Кем вы себя считаете?» часто ассоциируется с враждебностью, вызванной тем, что задающий вопрос считает агрессией. До войн 1914 и 1939 годов агрессия, которую мог претерпеть отдельный человек от рук другого, казалась пропорционально более серьезной, чем вред, который одна нация могла причинить другой. Человек мог убить другого, но группа вряд ли стала бы убивать или даже серьезно вредить другой группе. Атомная бомба изменила это, и вместе с ней исчезли все наши надежды на то, что чем больше группа, тем меньше вероятность того, что она пострадает или причинит значительный вред. Поэтому для группы важно спросить другую группу и саму себя: «Кем они себя считают?» От ответа может многое зависеть.

Я начал с того, что сформулировал наше исследование узко, как это может быть необходимо в конкретном эпизоде жизни человека. Более широкое применение уже нецелесообразно оставлять в стороне, считая его несущественным в делах наций. Я буду рассматривать его как концепцию, имеющую значение в контексте места человека среди живых существ в их историческом развитии. Кем или чем себя считает человечество?

Вопрос и возможные ответы на него стали особенно актуальными с тех пор, как возросла наша способность к разрушению. Наша способность задавать вопросы и проводить исследования также возросла благодаря работам Фрейда. Он изобрел психоанализ, наблюдая за группой больных людей, которые казались больными, но не проявляли никаких признаков физического или психического расстройства в том виде, в каком это обычно понималось. Исследование началось с его интереса к невротическим расстройствам, но я хотел бы сосредоточить внимание на его работе не столько как на исследовании больного разума, сколько как на исследовании разума людей, которые вообще не считаются больными. Именно в этом он приближается к вопросу: «Что есть человек?», и отдаляется от относительно ограниченного вопроса: «Почему этот человек болен?»

Фрейд считал, что значительная часть противодействия его работам была вызвана его открытиями в области сексуальности и его смелостью в обнародовании этих фактов. Враждебность к его теориям о сексуальности, как правило, затмевала враждебность к самому исследованию. Фрейд игнорировал роль Сфинкса в мифе об Эдипе.

Но возникает вопрос, зачем вообще нам нужен миф. Какое значение имеет сказка, рассказанная в древности, приукрашенная различными авторами с тех пор, но вряд ли имеющая какой-либо фактический аналог? Даже как миф она вряд ли заслуживает большего внимания, чем другие мифы: среди названий созвездий нет Эдипа.

Распространенная точка зрения (что Фройд наблюдал определенные формы человеческих страданий, изобрел психоанализ как метод исследования и с его помощью открыл эдипов комплекс и другие подобные явления) не столь показательна, как точка зрения, что его гений обнаружил важность мифа об Эдипе как инструмента и использовал его, возможно, неосознанно, для открытия не эдипова комплекса, а психоанализа и человека.

Основные элементы мифа об Эдипе таковы:

1. Сфинкс — чудовище, составленное из различных животных, части которых собираются воедино, образуя существо, задающее загадку.
2. Загадка, ответ на которую, согласно более поздней традиции, должен был звучать как «Человек». Неправильный ответ карался смертью; правильный ответ приводил к смерти Сфинкса.
3. Фивы — город, жители которого гибли от рук таинственной чумы.
4. Тиресий, пророк, противник неуемного любопытства и защитник принципа, согласно которому такое безжалостное любопытство является преступлением — гордыня, привлекающая внимание Немезиды, обычно отождествляемой с возмездием или праведным гневом.
5. Эдип, отождествляемый с детоубийством, будучи жертвой, и с отцеубийством, будучи преступником, безжалостный следователь преступления, которое он невольно совершил, подвергается наказанию в виде слепоты.
6. Лай, король и убитый отец, сам являющийся соучастником детоубийства; верующий в пророчества оракулов.

Рассматривая повествование как второстепенный вопрос, я акцентировал внимание на элементах этой истории. Из этих элементов в психоаналитической литературе, загадка Сфинкса и его судьба привлекли наименьшее внимание. Я упоминал¹ навязчивое проявление любопытства и его облик в группе; выяснение переноса в психоанализе предполагает исследование любопытства аналитика, но детали, с которыми это осуществляется, заслоняют макроскопическую картину, достижимую в группе. Таким образом, групповая процедура не вступает в конфликт с процедурой и теориями психоанализа, но предполагает изменение акцентов. Это изменение имеет отношение к исследованию концепции человека, поскольку сама концепция является продуктом игры любопытства вокруг фактов, которые становятся очевидными, как только индивид осознает себя или свою группу, или группа осознает себя или другую как группу.

Обычно мы осознаём свойства объектов и за ощущения, которые мы связываем с физическими объектами ответственны органы чувств. Но осознание личности лишь частично

¹ См. «Опыты в группах и другие статьи» (том IV собрания сочинений)

зависит от органов чувств. Мы можем видеть, что человек совершает определённые мышечные движения, что его взгляд направлен на определённую точку, и что в некоторых условиях сумма этих различных ощущений может быть истолкована как выражение человеком, скажем, любви или ненависти. Фрейд постулировал, что сознание является органом чувств психических качеств (1900а), и таким образом показал необходимость концепции «органа чувств», который предоставлял бы нам информацию не только о физических явлениях, но и об аспектах личности, тревоге, страхе, ненависти, депрессии, любви и так далее. Существование этих слов действительно показывает, что мы считаем, что знаем о существовании в себе и других людях воплощений, соответствующих этим словам, и, следовательно, предположительно, мы обладаем механизмами, позволяющими видеть не только движение лицевых или других мышц, но и познавать эмоции, вторичными проявлениями которых являются эти мышечные движения.

К нашему недовольству нашими знаниями об эмоциональной жизни привели два фактора. Философы науки всегда активно занимались точным разъяснением проблем обучения, когда отдельный человек или группа людей в результате провала проекта сталкивались с сомнениями относительно природы своих знаний или методов, которые они использовали для их приобретения.

История озабоченности методами приобретения знаний так же стара, как Платон и его сравнение с людьми в пещере, изучающими тени, отбрасываемые на стену, обращенную к ним, светом позади них. Пессимистический вывод, выраженный Причардом (1950), заключается в том, что такое исследование, скорее всего, закончится вопросом о том, как мы вообще можем что-либо знать. Однако на самом деле очевидно, что мы учимся, даже в младенчестве, и пессимизм уместен не столько в отношении нашей способности учиться, сколько в отношении нашей способности учиться тому, как мы учимся. Этот последний вопрос связан со вторым из двух упомянутых мною направлений, а именно с психоанализом.

Исследование, которым занимается психоанализ, не ново, но его методы и успехи, достигнутые основателем движения, остро выясвили проблемы, связанные с такими явлениями, как любовь, ненависть, тревога, секс, депрессия, а также способы, с помощью которых мы осознаем их существование, как в себе, так и в других, и как нам следует учиться на опыте этих эмоциональных сил.

Человек должен жить со своими чувствами. Поэтому он должен точно осознать, что чувствует, ибо только тогда он сможет извлечь из этого опыта урок о том, что значит жить с чувствами других людей.

Вопрос о сосуществовании со своими и чужими чувствами впервые возникает в младенчестве: младенец осознает чувства, свои собственные или чувства матери, и должен что-то с ними делать. В своих теориях удовольствия и боли Фрейд постулировал теорию, согласно которой растущее доминирование принципа реальности влечет за собой изменение отношения к окружающей среде. Часть окружающей среды, которая нас интересует, — это личность и чувства, которые выдают ее существование, о которых индивид, таким образом, получает представление на раннем этапе. Реакция на болезненные чувства, типичная для фазы доминирования принципа удовольствия, находит свое воплощение в «Алисе в Стране

чудес» в сцене, где палачу говорят, что нужно отрубить либо Чеширского кота, либо его голову, и что «в мгновение ока». Если чувства болезненны, то тем хуже для них — их нужно уничтожить. Доминирование принципа реальности подразумевает развитие реакций, направленных на изменение окружающей среды, которая их стимулирует. Если предположить, что уклонение и изменение поведения являются взаимоисключающими реакциями, и что использование одной из них зависит от того, насколько психика способна переносить фрустрацию, то неспособность переносить её препятствует развитию способности к контакту с реальностью, поскольку фрустрация присуща любой реальной ситуации.

Если личность не может смириться с реальностью эмоциональных переживаний, она становится неспособной учиться на основе этих самых эмоциональных переживаний. В таком состоянии ума преобладает избегание фрустрации, и я буду использовать термин «избегание» как абстракцию для обозначения ряда различных ситуаций, подразумевающих деструктивную реакцию на любой механизм, который может привести к осознанию болезненных, а следовательно, и всех, эмоций. «Избегание» противопоставляется «модификации». Я использую термин «модификация» как абстракцию для обозначения ситуаций, благоприятных для развития способности к более острому осознанию эмоциональных переживаний и, в дополнение к этому, для развития способности использовать эмоциональные переживания, ставшие доступными для личности.

Фройд описывал мышечную активность, типичную для фазы доминирования принципа удовольствия, как направленную на очищение психики от накопленных стимулов. Доминирование принципа реальности предполагает реалистичные попытки изменить окружающую среду. Я буду использовать знак «Е» для обозначения состояния ума, управляемого принципом избегания, и знак «М» для обозначения состояния ума, управляемого принципом модификации.

Мышечная активность, само мышление и, по сути, любая форма деятельности могут выражать Е или М. Нет такой деятельности, которая была бы внутренне связана с исключительным выражением того или иного типа. Это относится даже к попыткам очистить психику от накопленных стимулов, деятельности, которая при определенных обстоятельствах может быть более точно описана, если ее отнести к категории М, чем к категории Е. (Эта трудность постоянно стоит перед исследователем психологических проблем; я надеюсь решить ее, используя один и тот же символ для выражения одного и того же значения в одном и том же аргументе.) Когда необходимо описать ситуацию, в которой единственным реалистичным путем, доступным отдельному человеку или группе, является избавление от накопленных стимулов путем разрушительных атак на чувства, а не путем изменения источников, стимулирующих эти чувства, я ясно дам понять, что доминирующий принцип изменился с Е на М, хотя деятельность была неотличима от той, которая обычно характерна для Е.

При изучении «концепции человека» нам необходимо исследовать мышление, его происхождение и различные трансформации, а также его связь с осознанием психических качеств индивида и группы. Поэтому мне также необходимо представить теорию, предложенную Мелани Кляйн под названием «проективная идентификация». Я

воспользуюсь лишь одним аспектом этой сложной и широко применимой теории. Она гласит, что младенец, чувствуя себя подавленным эмоциями, прибегает к умственной деятельности, которую Кляйн описывает как расщепление чувств и их помещение в мать. Таким образом, мать, по-видимому, становится вместилищем для чувств, которые младенец не в состоянии сдержать. После пребывания в матери, в течение которого чувства претерпевают изменения, младенец возвращает эти чувства в свою личность, которая теперь может их терпеть и, следовательно, сдерживать благодаря изменениям, произошедшим в результате воздействия матери.

Поскольку я планирую использовать эту теорию в различных контекстах, для понятий «контейнер» и «содержимое» я буду применять две абстракции, представленные знаками ♀ и ♂.

Теория проективной идентификации и выведенные из неё теории объясняют больше, чем предполагала её создатель: они удовлетворяют критерию, требующему от теории способности к последовательному и непротиворечивому развитию при использовании в научных исследованиях. Я буду использовать теорию проективной идентификации в качестве модели для раннего развития процессов, которые впоследствии стали известны как мышление.

Модель предполагает существование пары; я использую её для представления внутреннего аппарата в организме человека. То, что изначально представляло собой отношения между матерью и младенцем, или грудью и ртом, теперь представляет собой эти объекты интернализированными. Представление этих интернализированных объектов используется как модель для психических механизмов, участвующих в мышлении. Знаки ♀ и ♂ могут быть использованы для представления внутреннего аппарата с помощью знака ♀♂.

Я уже говорил, что мышление может быть подчинено Е или М. Необходимо подробнее изучить модель пары, ♀♂, чтобы понять проблемы, связанные с использованием мышления.

Предположим, что существует некий фактор, препятствующий плавному развитию отношений между младенцем и матерью. Зависть — один из таких факторов, и я воспользуюсь ею для иллюстрации своего примера. Младенец может чувствовать себя неспособным использовать описанный мной механизм изменения чувств, если преобладающими эмоциями в отношениях между младенцем и матерью являются зависть и жадность. Если младенец одержим страхами, что он умирает, и пытается отделить их и проецировать на мать, чтобы она смягчила их невыносимое качество, вместо того, чтобы процесс следовал описанному курсу, ♀ жадно и завистливо стремится удалить любое добро, содержащееся в проецируемых страхах. Это «добро» — все, что есть значимого в страхах, что он умирает. Следовательно, когда младенец возвращается к реинтроверции страхов смерти, он не получает обратно эти страхи, смягченные до степени, приемлемой для его психики, а вместо этого принимает обратно в себя безымянный ужас.

Вернемся теперь к внедрению ♀♂ в личность младенца: вместо доброжелательного объекта, ♀♂, младенец, по-видимому, чувствует себя под властью объекта, обладающего атрибутами совести, которая непреклонно противостоит знанию, духу исследования или любопытству, необходимым для приобретения знаний. Более того, ♀ и ♂ связаны друг с другом таким

образом, что это приводит к вытеснению одного элемента другим. В той мере, в какой ситуацию можно вербализовать, доброжелательная единица ♀♂ заменяется злочаественной парой, оказывающей на личность влияние, совместимое с

- (a) совестью, лишенной уважения к истине или личности, или даже к самой одушевленной жизни, и
- (b) «научным» (т.е. стремящимся к истине) объектом, заинтересованным лишь в использовании фактов как элементов, пригодных для уничтожения совести или морали.

Такой объект, для которого я буду использовать знак $-\text{♀}-\text{♂}$, предназначен для того, чтобы лишить личность истины и добра любого рода. Действительно, использование термина «лишение», уместного в модели, которую предоставляет пищевая система, особенно точно описывает процесс деградации, который демонстрирует такая личность. Хотя и вызывает сомнения пригодность такой модели для представления мыслительных процессов, тем не менее, её проясняющая роль не позволяет отбросить её на данном этапе исследования. Объект $-\text{♀}-\text{♂}$ подвергается тем же дегенеративным изменениям. Он не только лишается стимулирующей развитие материи, но и, кажется, активно разрушается её продуктами, как если бы они обладали токсичностью для умственной жизни, сравнимой с токсинами в организме.

До сих пор я останавливался на природе аппарата, от которого мы зависим в процессе обучения на опыте. Я сосредоточился на описании фундаментального качества этого аппарата, каким он представляется, если мы подойдем к исследованию, рассматривая, развитие как обучения, так и разрушения знаний. Я предположил, что обучение на опыте невозможно без обучения на основе опыта, кто мы есть как личности и группы людей. Если мы хотим познать что-либо еще, мы должны познать себя и свои эмоции, и мы должны учиться на этом опыте. Это подразумевает принятие идеи о том, что научный взгляд необходим для психического здоровья человека, а также для успеха попытки получить новые знания. Это несовместимо с противоположной точкой зрения, воплощенной и типичной в предчувствиях Тиресия. Успехи научного метода в современной физике, как правило, затмевают враждебность к методам и действию любопытства, особенно со стороны ученых, которые принимают научный метод как данность. Мрачные предсказания Тиресия могут показаться применимыми только к исследованию эдиповой ситуации, но для Тиресия преступление заключается не в инцесте и отцеубийстве, а в безжалостной настойчивости в исследовании, в высокомерии самого Эдипа. Примерами подобных предчувствий являются предостережение Адаму от вкушения плодов с Древа познания, наведение смятения на строителей Вавилона и запрет на перепись народа. Тревога, столь явно выраженная в этнических мифах, может быть биологически полезной, возможно, даже дополняющей страх перед умственным голоданием у индивида; возможно ли, что могли бы развиться методы, которые позволили бы индивиду или расе получить больше знаний, чем они могли бы выдержать?

В физическом мире существуют условия, неблагоприятные для выживания человека; аналогично существуют эмоциональные ситуации, которые человек не может вынести и

которые приводят к психическому расстройству. Если существует опасность психического голода, то существует и опасность психического переедания. Пьер де Шарден (1955) постулирует ноосферу по аналогии с атмосферой. Я позаимствую этот термин для облегчения обсуждения, но не буду использовать его так, как он. Я ограничусь обозначением той эмоциональной среды, которая необходима для выживания психической жизни человека от рождения до смерти. Примером такой ноосферы является состояние, в котором эмоциональная потребность младенца в груди, в которую он чувствует себя способным проецировать часть себя, кажется удовлетворенной.

Утверждение о том, что младенец чувствует потребность проецировать часть своей личности в грудь, — это описание модели, которую Мелани Кляйн использует для представления своей абстракции, выведенной из поведения другого взрослого, верbalного и иного. Используя эту модель, я намереваюсь передать свою идею о том, что те элементы поведения взрослого, на которые я хочу обратить внимание, могут быть распознаны по тому факту, что они были бы уместны, если бы являлись частью истории, в которую верит младенец, а именно, что он отщепляет часть своей личности и т. д. Короче говоря, это нарратив, используемый для определения психоаналитического объекта. Я использую термин «психоаналитический объект» так же и с той же целью, как термин «математический объект» использовался Аристотелем. Однако я также намереваюсь передать свою убежденность в том, что пациент, будучи младенцем, чувствовал, что он занят деятельностью, которую он описал бы, если бы мог говорить, в терминах, которые приписал ему я. Другими словами, он описал бы свой опыт, используя эту модель. Однако можно утверждать, что пациент вообще не использовал никакой модели. В данном случае я даю словесное описание созданной мной модели, но дополнительно заявляю, что моя модель представляет собой вербализацию, подобную той, которую пациент, будучи младенцем, мог бы использовать, если бы умел говорить, для описания того, что, по его мнению, он на самом деле делал.

Это отступление указывает на некоторые нерешенные методологические проблемы, которые мне приходится игнорировать, если я хочу обнародовать, до появления адекватного оснащения, свою точку зрения на вопросы, поднятые концепцией человека. Чтобы поверить в успех моей попытки, я должен предположить существование ноосферы, в которую я могу проецировать свои взгляды и на которую могу опереться, чтобы придать моим словам смысл для вас, читающих их. Я ожидаю, что мои слова вызовут отклик как у отдельных людей, так и у ноосферы.

Последнее будет включать в себя изменение смысла, так что-то, что я сейчас считаю своим сообщением, приобретет смысл, о котором я не знаю, пока пишу его. Примером ноосферной реакции может служить завистливый и враждебный прием, лишающий мои слова всякого смысла и возвращающий их мне не просто лишенными, но отравленными таким образом, чтобы подорвать мой импульс к творческому общению. Пример, который я только что представил, можно абстрактно представить как $\text{♀}\mathcal{O}-$, где ♀ — это идея, а \mathcal{O} — ноосфера, в которой господствуют жадные и разрушительные импульсы.

Если читатель внимательно рассмотрит всё, что я сказал о ноосфере, и попытается переформулировать моё сообщение таким образом, чтобы сохранить его ценность и придать ему ясность, он легко убедится в серьёзных трудностях, связанных с попытками точно

осмыслить мышление. Проблемы сложнее, чем те, которые возникают при опыте, абстрагировании модели из опыта и дальнейшем абстрагировании посредством теоретизирования с помощью этой модели, поскольку проблемы, сопутствующие абстракции, пронизывают более чем одно измерение развития. Следует ли рассматривать «ноосферу» как абстракцию для «груди», хотя и как признак лежащей в основе невозможности изменить что-либо, кроме названий, которые мы даём функциям человеческой неспособности разработать адекватный инструмент для мышления?

Достижения физических наук, кажется, подтверждают оптимистичные оценки нашей способности разработать точные методы мышления о неодушевленном предмете. Если предположить, что методы мышления само-осознанно скорее всего будут созданы, то может возникнуть дополнительная опасность, подобная той, которую некоторые зоологи считали преследовавшей прогресс предшественников человека. Одним из поразительных фактов развития живых существ является упадок доминирующего вида. Предполагалось, что стегозавр развил настолько совершенную защитную броню, что в конце концов не смог ее выносить. Если отличительной чертой триумфа человека является его способность к изготовлению орудий труда, то, возможно, орудие, которое он должен выковать для само-осознанного мышления, содержит не только надежду на его выживание, но и зародыш его падения. Он может провалиться под тяжестью своей способности к мышлению как части своей более широкой способности к изготовлению и использованию орудий труда.

Предположим, что усиление мыслительной способности не просто разрушает смыслы, которые мы до сих пор привыкли ассоциировать с жизнью, но и лишает мышление всякого смысла, как мы его понимаем: такое развитие событий, вызванное силами и способами, описанными ранее, относится к категории катастроф. Но мобилизация и усовершенствование примитивных механизмов типа ♀♂ могут привести к потере смысла, подобной нормальной потере страха у младенца. Это может повлечь за собой изменение в осознании, представленном термином «ноосфера», которое не будет более катастрофичным для группового менталитета, чем потеря матерью страха перед смертью младенца.

Ощущение того, что явления имеют смысл, связано с фундаментальным нарциссическим, эгоцентрическим суждением о том, что явление является признаком развития событий, способствующих либо смерти, либо жизни человека. Если человек не способен абстрагироваться от утверждения, что событие подпадает под одну из этих категорий, то это явление, с его точки зрения, не имеет смысла.

Из этого следует, что эмпирический критерий мышления обеспечивается его функцией. Если функция состоит в том, чтобы абстрагироваться от явлений, абстрагируя те элементы, которые индивиду необходимо знать для выживания, то эта деятельность и есть мышление. Мышление — это деятельность, посредством которой индивид абстрагирует смысл явлений: если абстракция не позволяет определить действия, соответствующие смерти или выживанию индивида, то абстракция (что бы она ни представляла) не представляет смысла явления. И наоборот, неспособность создать смысл в этом понимании усиливает страх перед мышлением. Тем не менее, ясно, что в определенных обстоятельствах индивиды могут чувствовать, что явление имеет смысл, не будучи в состоянии увидеть его значимость по эгоцентрическим меркам. Такой смысл может считаться бесполезным и немедленно

игнорироваться, или же его можно исследовать с целью дальнейшего, предположительно беспристрастного, изучения. Аналитический опыт показывает, что все явления, наблюдаемые в кабинете, имеют смысл для пациента, и этот смысл обладает тем ограниченным качеством, которое я здесь постулировал. Иными словами, человек усвоил, или думает, что усвоил на собственном опыте, что все факты имеют значение, имеющее отношение к действию, которое он должен предпринять, чтобы избежать или модифицировать фрустрацию: любое другое «значение» бессмысленно.

Как показал Фрейд, человек сопротивляется принятию любого смысла, который не поддерживает его нарциссизм: нежелание подвергать опасности нарциссические убеждения затрудняет абстрагирование от явлений тех элементов, которые позволили бы ему придерживаться взглядов, способствующих его самосохранению. Попытка избежать чувства ненужности противоречит сдерживанию опасностей, присущих этому чувству. Таким образом, смысл не заложен в самих явлениях, а является чем-то, что человек стремится абстрагировать от них.

«Понятие человека» можно рассматривать как название смысла, который, как мы полагаем, присущ явлениям, объединенным в единое целое: Человек. В начале этого обсуждения я предложил эмпирическое значение термина «понятие человека», ограниченное связью смысла с агрессией и выживанием между людьми, между группами людей и между человеком и другими видами. Существует аргумент в пользу систематического исследования, в котором «понятие человека» является названием смысла, оторванного от полутени ассоциаций, неотделимой от его происхождения и развития; тогда его можно было бы использовать как абстракцию в системе, не являющейся гомоцентричной. Попытки сделать это, особенно в теологии, начинаются с антропоморфного наделения понятия высшего существа.

Подводя итог проблеме: неспособность решить задачу всегда приводила к тщательному анализу как самой нерешенной задачи, так и методов, которые были использованы в неудачном поиске решения.

До настоящего времени успехи научных исследований, особенно в области неодушевленных предметов или тех характеристик одушевленных предметов, которые поддаются исследованиям, характерным для неодушевленных предметов, подтверждают обоснованность того, что стало известно как научный метод. Но именно эти успехи выявили и неудачи.

Исследование причин неудач привело к новому подходу к проблемам, а также к используемым методам. Изучение методов выявило два основных источника ошибок: первый — неадекватные методы обучения, основанные на недостатке человеческих способностей или знаний на момент неудачи; второй — неадекватные возможности, присущие недостаткам самой человеческой личности. Это заставило нас обратить внимание на собственную личность; это заставило человека быть самосознательным.

Вследствие этого возникла новая проблема, требующая исследования — мы сами. Объект нашего исследования — концепция человека. Если мы сузим область, в которой лежит эта проблема, наше внимание сосредоточится на одной очень важной характеристике человека, а

именно на его способности мыслить, и на том факте, что инструментом, который он должен использовать, является именно эта способность мыслить. Мышление – это атрибут, характеризующий человека, и центральная проблема, требующая научного исследования. Оно также должно быть инструментом, с помощью которого должно осуществляться исследование.

Проблема возникает потому, что ученые, пытаясь перестроить свой научный аппарат, вынуждены признать, что сами являются его частью. Но дополнительной причиной развития этого кризиса обучения на опыте стало исследование Фрейдом тех, кого он первоначально считал больными людьми. Это исследование оказалось не чем иным, как исследованием самого человеческого ума.

В результате, слабости человеческого ума, хотя и не являются новым открытием, были продемонстрированы с точностью и всесторонностью, недостижимыми ранее. Сделанные к настоящему времени открытия показывают, что результаты психоанализа, хотя и были получены в ходе попытки облегчить человеческие страдания, связаны с проблемами научной погрешимости и, следовательно, с областью, в которой ученый должен искать и исправлять недостатки своего аппарата.

Таким образом, представление о человеке можно рассматривать не просто как предмет академических дискуссий. Я не имею в виду, что академические дискуссии неважны: напротив, они более актуальны и важны, чем когда-либо, но помимо медленного и терпеливого изучения, которое мы сейчас имеем, необходимо развить способность к уверенному, но быстрому суждению, подобному тому, которое было бы уместно в ситуации, когда может быть задан вопрос: «Кем они себя считают?». Такая ситуация эмоциональна, и важно понимать, что проблема, решение которой должно быть найдено путем немедленного суждения, требует способности к ясному мышлению в то время, когда это может быть поставлено под угрозу из-за склонности терять самообладание. Я предлагаю посвятить оставшуюся часть этой статьи элементам этой проблемы, как к ней необходимо подходить в данных конкретных обстоятельствах.

Фрейд цитировал Ле Бона в поддержку мнения о том, что группа враждебна творческому мышлению индивида. Именно на эту враждебную среду мы должны обратить внимание, а также на проблему, которую необходимо решить в этой ситуации.

Лорд Уэйвелл говорил, что генералу недостаточно быть умным: чтобы быть эффективным, он должен уметь ясно мыслить даже под обстрелом и другими стрессами сражения. Именно такие качества сегодня требуются от рядового гражданина. Я считаю, что эти качества можно наблюдать, развивать и укреплять в определенных типах небольших групп, организованных с определенной целью.

Первое необходимое условие для человека, стремящегося развить в себе способность рассуждать о других людях и соседних группах, — это восприятие того, что Фрейд называл психической реальностью, или, как я уже говорил ранее, психоаналитическими объектами. Существует огромная разница между знанием о существовании такой структуры, как аппендиц, и способностью определить, какая из многих структур, обнаженных хирургическим ножом, является именно им. Точно так же нет никаких трудностей в

принятия утверждений и даже в их формулировании относительно таких понятий, как перенос, эдипов комплекс, амбивалентность и другие, но совсем другое дело — способность распознавать в реальности аналоги этих репрезентативных терминов. Как выглядит то, что они представляют?

Отрицание того, что эти и другие теоретические концепции имеют соответствующее воплощение, показывает, что наблюдение за этими психоаналитическими объектами должно представлять собой определенную трудность.

В другом месте я предположил, что аппарат, отвечающий за восприятие психоаналитических объектов, представляет собой совместную работу сознательного и бессознательного, аналогичную гармоничной работе двух глаз в бинокулярном зрении. Эта гармоничная работа, являющаяся прототипом корреляции, позволяет наблюдать за воплощениями, или, по крайней мере, за нашим наблюдением за ними, в трехмерном качестве, которое ставит их существование вне всякого сомнения у наблюдателя. До сих пор мне не удалось найти лучшего метода обучения, чем сам психоанализ, для уменьшения препятствий нашей способности к яркому наблюдению.

Но проблемы наблюдателя не заканчиваются анализом. Вскоре он обнаруживает, что его попытки наблюдения подвергаются нападкам со стороны группы. Я обратил внимание на Сфинкса в мифе об Эдипе и на судьбу, которую он уготовил тем, кто не смог разгадать его загадку, и самому себе, когда Эдип ответил на нее. Строители Вавилона были наказаны аналогичным образом — лишением возможности общаться и, следовательно, сотрудничать для достижения своих целей. Наказание в виде изгнания было также наложено на пару, съевшую плод с Древа познания. В группе вскоре становится ясно, что членство опасно по мере того, как в ней доминирует любопытство ученых.

Важным элементом сохранения враждебности к проявлению любопытства является неприятие группой раскрытия проективной идентификации. Этот механизм является почти излюбленным методом «мышления» в группе. Конечно, присутствует и обычное рациональное общение, но порой кажется, будто группа сговаривается и пытается заставить аналитика сговариваться, тайно используя этот механизм, исключая любые другие.

Применение этого метода зависит от наличия мыслей, которые можно отделить и использовать для эвакуации. Читатель может задаться вопросом, каково обоснование использования термина «мысль» в этом контексте и что такое объект, который можно эвакуировать, например, мысль. Проблема изложения является серьезной, и возражения против такой терминологии в научном исследовании должны быть поддержаны в существующих рамках научного метода. Поскольку я не могу найти более строгого метода формулирования, а изменения в научном методе для решения проблемы групповых отношений не могут быть осуществлены без долгих и терпеливых усилий, я должен полагаться на снисходительность читателя, чтобы извлечь смысл, который я хочу передать в этих несовершенных описаниях.

По-видимому, существуют определенные элементы, которые в процессе развития связаны с тем, что обычно воспринимается как мысли. Некоторые из них, как представляется, воспринимаются индивидом как обладающие качествами, соответствующими тому, что Кант

называет «вещами-в-себе». Соответственно, возникает ощущение, что они содержатся в личности и поддаются таким процедурам, как эвакуация или, когда они находятся вне личности, поглощение. В крайних случаях они, кажется, рассматриваются как неотличимые от вещей-в-себе; в менее крайних случаях, таких как те, которые обычно возникают в группах, они, кажется, воспринимаются как идеи или идейные объекты, но с силой, соответствующей высокой степени детализации и, следовательно, конкретизации.

Когда группа или составляющие её лица желают манипулировать группой, оставаясь незамеченными, они прибегают к этим высоко конкретизированным объектам, с которыми затем расправляются посредством процессов эвакуации и поглощения, характерных для механизмов проективной идентификации.

Эти объекты можно условно разделить на два основных класса. Один состоит из элементов, обладающих сильным эмоциональным, но слабым смысловым содержанием, другой — из элементов, слабых в абстракции (или качествах, связанных с абстракцией и абстрактным мышлением), но сильных в конкретизации.

Метод проективной идентификации также может рассматриваться как функционирующий в двух различных состояниях: Мелани Кляйн описывала его как механизм, фактически являющийся продуктом всемогущей фантазии. Однако, на мой взгляд, он способен к изменениям в том, как многие идеи, изначально являющиеся всемогущими фантазиями, в конечном итоге могут быть преобразованы в реалистическую деятельность. Если группа или индивид прибегает к всемогущей фантазии, то это ничего не меняет, и наблюдатель может осознавать лишь несколько пассивную, но в остальном благовоспитанную группу или индивида. Следовательно, хотя проективная идентификация в своей наиболее экстремальной форме очень активна, парадоксальным образом она практически не производит впечатления на наблюдателя. Но если индивид или группа становятся менее всемогущими и лучше опираются на реальность, то наблюдатель осознает эмоциональную ситуацию, в которой он, по-видимому, неосознанно участвует и в результате испытывает неприятные эмоции.

Сопротивление вниманию группы и чувство преследования связаны с этой фазой; эти два явления ощущаются как причинно-следственная связь (сопротивление проективной идентификации \leftrightarrow чувство преследования), но не происходит осознания, близкого к ощущению причинно-следственной связи.

Обращение к проективной идентификации, выраженной знаком $\text{♀} \leftrightarrow \text{♂}$, всегда облегчается принадлежностью к группе; именно в группе её активность наиболее выражена, а принятие — наиболее искреннее. В аналитических или парных отношениях она обычно воспринимается как сама по себе неприятная или как ведущая к неприятным последствиям. Природа такой активности и её последствия проявляются в совершенно разных формах в зависимости от других элементов сети взаимоотношений. Это настолько очевидно, что может потребоваться значительное усилие, чтобы понять, насколько тесно взаимосвязаны, казалось бы, совершенно разные обстоятельства. Для простоты и краткости я рассмотрю только два элемента: степень всемогущества и эмоциональную среду, в которой действует проективная идентификация.

Как мы уже видели, чрезмерное всемогущество может создавать совершенно обманчивое впечатление благопристойной пассивности. В психоанализе нередко можно услышать, как родитель говорит о пациенте, находящемся в состоянии, слишком близком к психозу: «Но, доктор, он всегда был таким хорошим ребенком». Даже с учетом слепоты родительской любви, это утверждение объясняется лишь тем, что всемогущество не требует никакой активности. Аналогично, улучшение, приводящее к снижению всемогущества, имеет парадоксальное и часто неловкое последствие: оно выявляет глубину неприятных эмоциональных переживаний при взаимодействии с таким пациентом или группой, которые ранее оставались незамеченными.

Эмоциональный аспект можно проиллюстрировать крайним и опасным проявлением зависти. Общеизвестно, что этот один из семи смертных грехов может разрушить отношения между парой или между отдельными людьми и группой, которую они составляют. Тем не менее, в любой момент можно наблюдать и отрицать серьезность этого явления. Даже ясное описание, данное Мелани Кляйн в книге «Зависть и благодарность» (1957), чаще встречает явное безразличие или выраженное отрицание, чем справедливую оценку его важности.

Я уже говорил, что зависть приводит к осознанию/воплощению, которое я обозначил как $-\varphi\delta$ или $-\varphi-\delta$. При групповом наблюдении легче увидеть лишение ценности мысли, идеи или человека, чем наблюдать за объектами, которые были таким образом лишены: например, мораль, лишенная почти всех качеств, которые мы обычно с ней ассоциируем, и научный взгляд, лишенный почти всех аспектов уважения к истине. Еще труднее увидеть, что эти лишенные ценности объекты имеют продукт, привлекательный для других, иных по составу групп или людей.

Я могу лишь указать на природу этого явления, поскольку оно недостаточно изучено и требует гораздо более глубокого исследования. Создается впечатление, что государство своими разрушениями ведет не к иждивенцам, получающим благосклонную поддержку, не к так называемому государству всеобщего благосостояния, а к паразитам и группе-хозяину, которая разрушается изнутри. Но эта группа-хозяин оказывает сильное притяжение на другие группы, которые стремятся поглотить или подражать ей в соответствии с природой другой группы. Последствия и природа этого явления я оставляю на усмотрение научного любопытства моих читателей.

В своей работе «Влечения их судьбы» [1915c] Фройд ярко описывает конфликт, который может существовать между сексуальными импульсами, действующими как часть потребности группы в самосохранении, и потребностью индивида в самореализации. Эта bipolarность влечений, по его мнению, ограничивается сексуальными влечениями и конфликтом с влечениями Я. Мне кажется, что конфликт должен существовать и в агрессивных импульсах, где еще яснее видно, что агрессия на службе группы может иметь ограниченную ценность для индивида, который может пожертвовать своей жизнью ради существования группы. Фройд предполагает, что нарциссические неврозы могут пролить свет на эту проблему. В самом деле, как показали другие авторы (например, Бёртон²), сейчас невозможно исследовать характеристики человека, не чувствуя, что его природу нельзя

² «О современном человеке и сознании» ['On Modern Man and Consciousness'] (глава, предусмотренная для проекта «Концепция человека»). – ред.

понять без обращения к поведению, которое до сих пор считалось особенностью непостижимой болезни и, соответственно, отвергалось. Бёртон также указывает на необходимость расширения индивидуального сознания в интересах психического здоровья человека. Проблема, возникающая из-за примитивного страха перед любопытством, от которого зависит все обучение, касается здоровья самого человека. Высокомерие и возмездие выступают в качестве наказания за экстремизм. Тем не менее, ученый должен быть экстремистом, который не признает никаких препятствий на пути к истине. Примечательно, что группа часто протестует, что ее несогласие с утверждением определенных истин, против которых она возражает, расколет группу.

Неизбежно, ученый, то есть человек, для которого преданность истине для себя или для группы является первостепенной задачей, сигнализирует о том, что он является именно таким лидером и желает привлечь последователей. Его работа, ориентированная на группу, является сигналом в этом ключе. Предлагаемый им союз, как и лидерство, предлагаемое всеми другими людьми, вызывает определенную реакцию со стороны группы. Анализ этой реакции показывает, что группа ведет себя так, как если бы она выбрала лидера. Отторжение конкретного человека может показаться продиктованным его неспособностью удовлетворить группу своими способностями, которые он вызывает. Я уже говорил ранее, что группа активизируется определенными базовыми предположениями, которые выражаются в предвзятых представлениях о лидерстве, которые можно выявить, наблюдая за группой. Можно было бы предположить, что лидером будет назначен тот, кто продемонстрировал качества, близкие к этим предвзятым представлениям — короче говоря, что группа выбрала самого сильного человека для этой работы. Но это не всегда так: часто группа выбирает человека из-за его слабостей.

Эта особенность становится более понятной в свете теории проективной идентификации. Желание индивида избавиться от определенных элементов своей личности посредством такого эвакуационного процесса, когда принцип реальности хорошо установлен, приводит к поиску персонажа, который бы подтвердил идею о том, что его можно использовать в качестве вместилища нежелательных аспектов личности. Некоторые индивиды проявляют слабость отвергая то, что на более обычных уровнях сознания мы рассматриваем как приписываемые черты характера, независимо от того, хороши они или плохи. Эта слабость используется, и группа применяет целый ряд сигналов, чтобы донести до этого слабого члена, что он является тем персонажем, которым группа хочет его видеть на данный момент. Возможно, он в каких-то отношениях должен быть нежелательным, или, наоборот, возможно, он должен нести в себе вмененные ему черты гения или лидерских качеств особенно лестного рода. Если бы целью была лесть, то большого вреда это бы не принесло. Но поскольку эти манипуляции вторичны по отношению к приданию сущности фантазии проективной идентификации, сама группа обманывается и ведет себя так, как если бы данный лидер стал хранилищем проецируемых в него качеств. Таким образом, лидер выбирается для определенной цели именно из-за его непригодности быть лидером вообще. Более широкое распространение, к которому стремится организм, должно включать в себя область концепции человека, поскольку она проявляется в критических ситуациях групповой динамики. Я попытался кратко указать, почему и каким образом это исследование важно и

почему этот навык следует освоить. Хотя это ограниченная и узкоспециализированная область, то же самое можно было сказать пятьдесят лет назад о ядерной физике.

■